

Аверенкова Наталья Вячеславовна, Пашинцев Евгений Васильевич

ЦАРСТВО ДУХА И ЦАРСТВО КЕСАРЯ (ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДВУХ РЕЛИГИОЗНЫХ СИМВОЛОВ)

Авторами статьи предпринята попытка соединить традиционный марксистский анализ истории с двумя религиозными символами философии Н. А. Бердяева. Такая "двойная" методология позволяет заглянуть в природу глубинного противоречия, разделяющего и одновременно соединяющего российскую цивилизацию и русскую культуру. Вывод, к которому приходят авторы статьи, состоит в том, что будущее России будут определять не анонимные институциональные законы цивилизации, а творческие импульсы, исходящие из символических недр духовной культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/3-1/1.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 3(77): в 2-х ч. Ч. 1. С. 13-15. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 103.2

Философские науки

Авторами статьи предпринята попытка соединить традиционный марксистский анализ истории с двумя религиозными символами философии Н. А. Бердяева. Такая «двойная» методология позволяет заглянуть в природу глубинного противоречия, разделяющего и одновременно соединяющего российскую цивилизацию и русскую культуру. Вывод, к которому приходят авторы статьи, состоит в том, что будущее России будут определять не анонимные институциональные законы цивилизации, а творческие импульсы, исходящие из символических недр духовной культуры.

Ключевые слова и фразы: царство Духа; царство Кесаря; российская цивилизация; русская культура; способ государственного управления; способ производства; русская идея.

Аверенкова Наталья Вячеславовна, к.и.н.

Пашинцев Евгений Васильевич, д. филос. н., доцент

Челябинский институт путей сообщения –

филиал Уральского государственного университета путей сообщения

info@chirt.ru

ЦАРСТВО ДУХА И ЦАРСТВО КЕСАРЯ (ИСТОРИЯ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДВУХ РЕЛИГИОЗНЫХ СИМВОЛОВ)

Приступая к анализу непростой и политически ангажированной темы, хотелось бы начать с описания более широкого социально-философского контекста. Подобно тому, как в историческом пространстве до сих пор господствует закон сохранения стоимости и набирает силу не менее фундаментальный закон сохранения социального статуса (принцип «разделения властей»), в ментальном измерении истории незримо функционирует закон сохранения общечеловеческой духовности. Только благодаря этому закону человечество не вымерло в бесконечной череде кровопролитных войн и междоусобиц. И именно благодаря этому закону сегодня восстанавливается искусственно прерванная связь между православной культурой России и светской культурой советского и постсоветского периодов. К сожалению, приходится констатировать традиционный для русского мышления «подростковый» анархизм: решительное пролетарское отрицание ценностей православной культуры сменилось таким же безапелляционным либеральным отрицанием достижений культуры советского периода. Задача данной статьи – показать, каким образом религиозная символика философского учения Н. А. Бердяева способна оплодотворить догматически застывшую марксистскую логику истории.

В качестве методологического вступления в тему сопоставим между собой две фундаментальные пары категорий, а именно: бердяевские «царство Духа» и «царство Кесаря» с современными социально-философскими категориями «цивилизация» и «культура». Легко понять, что религиозное «царство Кесаря» коррелируется с категорией «цивилизация», в то время как «царство Духа» своим земным прототипом имеет категорию культуры. Парадоксально то, что в своих базовых гносеологических установках религиозно-философская и марксистская картины мира совпадают. Вот мнение Н. А. Бердяева по поводу духовного «неблагополучия» социального пространства: «Этот мир более подчинен царству Кесаря, а не царству Духа» [3, с. 300]. А вот знаменитая социально-философская аксиома К. Маркса: «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [5, с. 7]. Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно марксистско-религиозного «тангема», сошлемся еще на одно высказывание Н. А. Бердяева, в котором его религиозно-философская позиция переходит в откровенный «социологизм». А именно: «история в высшей степени драматична, поэтому в ней постоянно происходит столкновение и борьба царства Духа и царства Кесаря, которое имеет тенденцию быть царством тоталитарным» [3, с. 300].

Однако указанное выше совпадение основных гносеологических интенций вовсе не свидетельствует о том, что религиозно-философское учение Бердяева утратило свою специфику и творческий потенциал. Вот одно из наиболее креативных высказываний выдающегося русского философа, которое выходит далеко за рамки концептуальных возможностей классического и неклассического марксизма: «Дух не открывается прогрессивно в историческом процессе и торжествуют явные и злые процессы» [Там же, с. 301]. В переводе на социологический язык это означает, что процесс одухотворения человеческой истории не вытекает из логики развития мировой цивилизации и более того – противоречит этой анонимной институциональной логике. Трагедия большевиков и классического марксизма в целом как раз и состояла в утопической попытке построить «нового человека», не выходя за пределы «царства Кесаря», т.е. институционализированного социального пространства.

С другой стороны, выход за пределы институционализированной истории в трансцендентное «царство Духа» отнюдь не гарантирует радикальное изменение человеческой природы. Все предпринятые в России попытки «богоискательства» и «богостроительства» были обречены именно потому, что принципиально невозможно конструктивный синтез внеисторического Духа и посюстороннего политически ангажированного социума. Поэтому здесь мы вынуждены вступить в полемику с замечательным русским философом, справедливо утверждавшим, что Дух «не открывается прогрессивно в историческом процессе». Да, действительно, зрелый

человеческий Дух не вырастает в институционализированном пространстве созданной людьми цивилизации. Но он может и должен вырастать из символических глубин общечеловеческой культуры. Вот почему объективная логика исследования приводит нас к необходимости выявить наиболее общие закономерности взаимодействия цивилизации и культуры, опираясь при этом на креативный потенциал бердяевской философской мысли.

Каким же образом диалектика цивилизации и культуры определяла и до сих пор определяет направление развития нашей отечественной истории? Первый методологический барьер, с которым сталкивается здесь исследовательская мысль, – это наличие специфического институционального «зазора» между российской цивилизацией и русской культурой. Погружение в богатейший концептуальный мир классической русской философии позволяет сделать следующий обобщенный вывод: действительное культурное содержание «русской идеи» отнюдь не сводится к идеологическому обеспечению тоталитарной социальной практики. Сошлемся в данном случае на авторитетное мнение Н. А. Бердяева, который писал: «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире» [2, с. 298]. Исходя из такой социокультурной установки, мы вправе говорить о том, что не русская культура породила самодержавие и тоталитаризм, а наоборот, тоталитарная практика Российского государства использовала (проэксплуатировала) исторические особенности русской ментальности. Однако у самого Бердяева есть и прямо противоположное утверждение: «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, все в России превращается в орудие политики» [Там же, с. 299]. В этом случае следовало бы признать, что тоталитаризм отнюдь не чужд экзистенциальной природе русской ментальности.

Как видим, перед нами чистейшая социологическая антиномия, которая свидетельствует о том, что теоретическая мысль зафиксировала два противоположных полюса единой социокультурной реальности. Сам Н. А. Бердяев доводит указанную антиномию до уровня парадокса, который в заостренной форме бросает вызов современному теоретическому мышлению. А именно: «Никакая философия истории, славянофильская или западническая, не разгадала еще, почему самый безгосударственный народ создал такую огромную и могущественную государственность, почему самый анархический народ так покорен бюрократии, почему свободный духом народ как будто бы не хочет свободной жизни?» [Там же, с. 300]. Попытаемся выяснить истоки и реальные тенденции разрешения указанной антиномии.

В качестве методологического инструмента используем полученное ранее представление о специфике российской цивилизации [1, с. 21]. Эта региональная специфика, связанная с социокультурным доминированием института государства, вносит существенные коррективы в разработанное Марксом материалистическое понимание общества. В истории России, начиная с деятельности Ивана Калиты и в особенности с эпохи петровских реформ, отчетливо обнаруживается совершенно особенная организация общества, при которой способ производства оказывается «встроенным» в более сильный цивилизационный стержень – способ государственного управления. Простым и неопровержимым аргументом в пользу этого радикального тезиса является история индустриализации в России, которая в своей первоначальной полубуржуазной форме протекала под эгидой феодального государства, а на своей завершающей стадии осуществлялась под контролем бюрократического («тоталитарного») государства. Еще одним доказательством исторического доминирования способа управления в России является тот факт, что все российские реформы начинались сверху и, имея верхушечный характер, всегда оказывались половинчатыми с экономической точки зрения. Таковы реформы Петра I, Александра II, таков ленинский нэп, реформы Хрущева, современные либеральные реформы.

Теперь мы имеем возможность ответить на вопрос, почему самый безгосударственный народ создал самую могущественную государственность. Для этого рассмотрим по отдельности каждый из полюсов способа управления. На институциональном полюсе мы обнаруживаем абсолютистское (деспотическое) государство, которое в полном соответствии с восточными традициями рассматривает собственных подданных как послушный материал для своих гегемонистских устремлений. Понятно, что по своему «энергетическому» потенциалу способ управления превосходит не только способ производства, но и те организационные государственные формы, которые стихийно вырастают из этого способа производства. Поэтому объективные предпосылки возникновения «могущественной государственности» в России налицо начиная с эпохи возвышения Московского княжества. Но самое интересное для социологического исследования мы обнаруживаем на другом – идеологическом полюсе способа управления. Дело в том, что православная церковь и православие как идеология обслуживают не социальную культуру, которой у русского народа в условиях деспотизма не было и не могло быть, а культуру материальную, вырастающую из «вторичного» способа производства. Эта пассивная в социальном отношении материальная культура является необычайно благодатным «пластичным» материалом, из которого государственная воля отливают любые, самые прочные и жесткие институциональные орудия и формы. С другой стороны, запертая в рамках институционального способа управления социальная энергия русского народа могла реализовать себя только в сфере духовного творчества, для которого общинная организация и православная идеология предоставляли достаточный простор. Послушаем Н. А. Бердяева: «За смирение свое получает русский народ в награду этот уют и тепло коллективной жизни» [2, с. 302]. Таким образом, противоречивое единство социальной культуры управляющих и материальной культуры управляемых объясняет глубинную антиномичность российского социума, качественную нетождественность российской цивилизации и русской культуры.

Еще одним доказательством этой нетождественности может служить устойчивая терминологическая традиция: мы вправе говорить о российской цивилизации и о «россиянах», но для характеристики собственного менталитета употребляем только один термин – «русская культура». Неразрывная, хотя и противоречивая историческая связь между российской цивилизацией и русской культурой состоит в том, что многовековой

дефицит правовых начал в российской истории с лихвой компенсировался повышенной нравственной и психологической чуткостью русского народа. Фиксируя эту социокультурную зависимость, русский мыслитель Серебряного века К. Н. Леонтьев с сочувствием цитирует одного из своих современников: «При решительном отсутствии всякой свободы и самобытности в жизни гражданской и общественной нашему простолюдину естественно было пытаться вознаградить себя самобытностью в жизни духовной, самодеятельностью в области мысли и чувства» [4, с. 309]. Иначе не могло и быть, поскольку в условиях перманентного государственного беспредела (начиная с эпохи Ивана Грозного) психологическая отзывчивость и самодостаточность были единственным механизмом выживания индивида, на какой бы социальной ступеньке он ни находился.

Таким образом, мы приходим к выводу, что духовный вектор русской культуры обладает относительной независимостью от породившей его цивилизации. Показательно, что «инструментом» этой независимости выступает не тот или иной социальный институт, а непосредственный процесс культурного творчества. После того, как в поэзии А. С. Пушкина русская культура обрела адекватную форму национального самосознания, механизмом самовоспроизводства культуры становится великая русская литература. Вот как философ А. С. Панарин оценивал культурное пространство русской литературы, дистанцируясь от необъятных географических просторов Российской империи: «Здесь мы имеем особую “империю духа”, в самом деле не знающую никаких границ» [6, с. 282]. Не нужно обладать чрезмерной прозорливостью, чтобы понять: дальнейшее развитие России будет определяться уже не особенностями ее цивилизационного устройства, а тем духовным потенциалом, который сосредоточен в экзистенциальных глубинах национальной русской культуры.

Попытаемся ответить на последний, наполовину эсхатологический вопрос: способно ли «царство Духа» вырваться за пределы «царства Кесаря», оставаясь в рамках институционализированной истории? Для материалистически ориентированного сознания, прошедшего суровую школу экономической нужды и политического скепсиса, мир духовных явлений – это всего лишь отражение общественного бытия. Никакая утопия – ни социалистическая, ни религиозная – не способна поколебать существующее социальное устройство. Только откуда-то извне – от космических пришельцев или Божественной благодати – может прийти спасение жаждущей справедливости человеческой душе. Совсем иное представление об исторической перспективе предлагает нам Н. А. Бердяев. Он пишет: «Благодать не есть действующая извне сила, благодать есть обнаружение божественного в человеке» [3, с. 300]. Переводя эту мысль на язык социологии, мы обязаны признать, что в недрах повседневной социализированной культуры по законам творчества рождаются совершенно непредвиденные духовные импульсы истории. Именно эта творческая сила способна рано или поздно опрокинуть стихийно консервативный и своекорыстно монотонный мир социальных институтов. Поэтому ближайшее и отдаленное будущее России будет определяться тем, какая из двух исторических сил победит в народном сознании – политическая вертикаль власти, именуемая «царством Кесаря», или духовная вертикаль культуры, именуемая «царством Духа».

Список литературы

1. **Аверенкова Н. В., Пашинцев Е. В.** Цивилизация России: становление, специфика и перспективы развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 10 (72). С. 19-23.
2. **Бердяев Н. А.** Душа России // Русская идея: антология / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 295-312.
3. **Бердяев Н. А.** Царство Духа и царство Кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.
4. **Леонтьев К. Н.** Византизм и славянство // Русские философы (конец XIX – середина XX века): антология. М.: Кн. палата, 1993. Вып. 1. С. 289-365.
5. **Маркс К.** К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50-ти т. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 1-167.
6. **Панарин А. С.** Народ без элиты. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 352 с.

THE REALM OF SPIRIT AND THE REALM OF CAESAR (HISTORY OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF TWO RELIGIOUS SYMBOLS)

Averenkova Natal'ya Vyacheslavovna, Ph. D. in History
Pashintsev Evgenii Vasil'evich, Doctor in Philosophy, Associate Professor
Chelyabinsk Institute of Communications Lines (Branch) of Ural State University of Railway Transport
info@chirt.ru

The authors attempt to combine the traditional Marxist analysis of history with two religious symbols of N. A. Berdyaev's philosophy. This "double" methodology provides a glimpse into the nature of a deep contradiction simultaneously separating and linking Russian civilization and Russian culture. The conclusion is that Russia future will be determined not by anonymous institutional laws of civilization, but by creative impulses coming from symbolic interiors of spiritual culture.

Key words and phrases: Realm of Spirit; Realm of Caesar; Russian civilization; Russian culture; method of government; method of production; Russian idea.